

**ЗМЕИНАЯ
ШКОЛА**

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

КОРОЛЕВА НАГОВ

ПОДРУГА БОГА

КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЙ

АННА ОДУВАЛОВА

ЗМЕИНАЯ ШКОЛА

Подруга бога

**МОСКВА
2022**

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
О-44

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

Иллюстрация на переплете *И. Косулиной*

Одувалова, Анна Сергеевна.

О-44 Змеиная школа. Подруга бога / Анна Одувалова. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-113971-1

Над Алиной, ученицей элитного лица имени Катурина, нависла новая опасность. Став королевой нагов, она настроила против себя могущественных богов: Шиву и Кали. Чтобы избавиться от девушки, на землю отправили жестоких демонесс-дакини, спастись от которых невозможно даже Алине, которая обрела сверхъестественную силу.

Но неожиданно на помощь приходит... Ян. Таинственный бог смерти, друг Влада, не отходит от девушки ни на шаг, всячески оберегая и защищая. Что движет им? Обязательства, данные Владу, или тщательно скрываемые чувства? И сможет ли Алина устоять перед харизмой одного из самых красивых парней лица, тем более что ее отношения с Владом обречены из-за пророчества?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-113971-1

© Одувалова А.С., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Интро

В Амаравати царила вечная весна. Запах цветущей париджаты плыл по тихим улицам божественного города. Вымощенные светлым камнем дороги были пустынно, ноги простых смертных не смели ступать на них, а молодые, полные сил, но не имеющие власти боги давным-давно спустились на землю. Их выжили старшие братья, не желавшие делиться источниками силы, которая исходила от немногочисленных верующих, посещающих древние храмы и возносящих молитвы забытым богам.

Нет, никому из первородных существ не закрывали вход в Амаравати, но они были здесь всего лишь нежданно гостями. В божественном граде прочно обосновались лишь Шива, олицетворяющий одновременно разрушительное и созидательное начала, Вишну, поддерживающий дхарму и разрушающий зло, и Индра — великий воин, защитник и страж Амаравати.

Шива возлежал на шелковых подушках в своем дворце, напоминающем цветок лотоса, и дремал под пение сладкоголосых апсар. Город вместе с богом был погружен в многовековой сон, прерывающийся лишь изредка, с появлением гостей.

При приближении грозной Кали в Амаравати изменился даже воздух. К благоуханию париджаты добавились почти незаметные, но несущие угрозу металлические нотки — едва различимый запах страха и кровавых жертвоприношений. Повеяло древней мощной энергетикой. Шива пробудился и, принохиваясь, грузно приподнялся на подушках. Приветствием для возникшей на пороге гостьи служила слабая ленивая улыбка.

Грациозная, гибкая, словно пантера, богиня любви и смерти медленно подошла к ложу, едва заметно улыбнувшись в ответ. На ее величественном лице застыло выражение презрения и брезгливости, хоть она и пыталась его спрятать под маской показного благодушия.

— Приветствую тебя, светлоликий Шива, — произнесла она, покосилась на разбросанные по полу подушки, но осталась стоять, видимо, решив, что сидеть вместе с уставшими от песен и плясок ветреными апсарами ей не по статусу.

— Надеюсь, ты с хорошими вестями? — уточнил Шива, казалось, не заметив, что высокородная гостья стоит.

— Я с вестями. — В крупных черных глазах богини вспыхнуло пламя тщательно скрываемого гнева. — Ты был прав, помыслы Шешии нечисты. Впрочем, как обычно. Он воспитывает себе в помощь недавно возродившегося в новой аватаре змея Вритру.

Богиня с удовольствием заметила панику в глазах собеседника. Пустила тонкую, едва заметную нить и поймала на выдохе Шивы его

страх — терпкий и крепкий, словно выдержанное вино. Длинный алый язык мелькнул на мгновение меж пухлых губ и тут же исчез. Улыбка на лице Кали стала благодуще. Не так часто удается пообедать дурманящим мускусным страхом древнего бога. Мало что могло напугать Шиву, пусть даже на столь короткий миг.

— Я прикажу найти Индру! Он снова сможет отправить змея в небытие, — спохватился Шива и поспешио поднялся, утратив за суетой большую часть божественного величия.

— Ты не слушаешь меня. — Кали укоризненно покачала головой. — Почему ты считаешь, что юная аватара Вритры угрожает нам больше, чем старый король нагов, который собирается использовать воспитанника для своих коварных целей? Он ищет ему в спутницы рожденную ветром королеву нагов, надеясь, что страсть, возникшая из огня и воздуха, приведет к энергетическому взрыву такой мощи, что этот мир не выдержит и рухнет...

— Тем более нужно уничтожить Вритру. От этого змея одни неприятности, он в прошлый раз едва не погубил нас. — Шива нахмурился. Его голос пронесся раскатами грома по светлым улицам города, а на ярком, голубом небе начали сгущаться тучи.

— За прошлые прегрешения он понес серьезное наказание, проведя тысячелетия в небытии, — покачав головой, возразила Кали, — А сейчас... — Она с нежностью улыбнулась. — Он всего лишь милый мальчик, никому не желающий зла.

— Он тебе нравится? — хмыкнул бог.

— Я же говорю, милый мальчик.

Кали неопределенно пожала плечами, решив не отвечать на прямой вопрос.

— А королева у Шеши уже есть? — Шива не стал настаивать.

— Думаю, да... Ее проще уничтожить, чем Вритру, но это так же разрушит планы Шеши.

— Если ты займешься этим, я пока ничего не скажу Индре. Но если не получится...

— Мои девочки найдут и уничтожат королеву нагов, — сказала Кали. — А ты оставишь в покое Вритру.

— Как скажешь, Многоликая. — Шива снова расслабленно отклонился на подушки и лениво прикрыл глаза, впадая в блаженную дрему.

Пролог

Ночь была густой, морозной и безветренной. Даже с Невы не тянуло промозглым влажным холодом, словно и не было в городе реки. Снег едва припорошил улицы Питера, что, в общем-то, нормально для середины ноября, когда осень играет с зимой в прятки и воюет за территорию. Черные, блестящие проплешины подмерзших луж виднелись на тротуаре, а дороги блестели графитовым, переливающимся стеклом гололеда. Редкие припозднившиеся машины ехали медленно, словно крадучись: многие водители, как всегда, дотянули до последнего и не сменили резину, избалованные вечной Питерской оттепелью, и теперь осторожничали, опасаясь сделать резкое движение и уйти в занос на опасной скользкой дороге.

На крыше одного из множества старых зданий со стройными, покрашенными белой краской колоннами, сидели две одетые не по сезону девушки. Они болтали в воздухе босыми ногами и по-детски ловили языком редкие падающие снежинки.

— Холодный город... — Одна поежилась, откинув с плеча длинные черные пряди, издали напминающие вьющихся вокруг головы змей. — Ненавижу холод!

— Холодное время, — согласилась другая и внимательно уставилась вниз, на безлюдную ночную улицу.

Черноволосые, со смуглой кожей, девушки привлекали бы к себе внимание, даже если бы не были одеты в развевающиеся длиннополые шелковые сари.

— Мне здесь не нравится...

— И мне. Может быть, не будет тянуть время? Уберемся с мороза, внутри все леденеет. Плохо.

— Чем быстрее найдем ее, тем быстрее вернемся домой. Там тепло! В путь!

Черноволосые красавицы переглянулись, сорвались с облюбованного конька и устремились вниз, словно две экзотические ночные бабочки. Пролетели несколько метров и растворились в воздухе, превратившись в серый клубящийся туман.

Глава 1

ЗАСНЕЖЕННАЯ ПРАВДА

Алина

Мокрый снег летел крупными хлопьями и сразу же таял в лужах, стекал холодными струйками со щек, путался в волосах и меховом воротнике розовой короткой курточки. Ноги замерзли и промокли, но я все не уходила, смотрела сквозь мутную снежную пелену на девушку, сидящую на замороженных качелях во дворе обычной питерской высотки.

Маша. Точнее, пустая, оставшаяся от нее оболочка, которая обладает лишь частью воспоминаний и может маскироваться под обычного человека. Возможно, месяц назад я бы и поверила в то, что моя соседка по комнате жива, списав странное поведение на стресс, но сейчас я слишком хорошо видела, что души у этого тела нет. По факту, оно уже мертво. Давно. Я не чувствовала исходящего от него тепла.

Слезы смешивались на щеках с таявшим снегом. Я прятала озябшие руки в карманы и чувствовала, что меня начинает бить крупная дрожь. То ли от холода, то ли от увиденного. Теперь я точно знала, что случилось с Машей, и это зна-

ние не приносило удовлетворения. Тогда, на занятии, погрузившись в свой первый транс, мы убили самого слабого из потока — Машу. Никто даже не понял, что трагедия произошла по нашей вине. Даже я догадалась не сразу, а окончательно осознала лишь сейчас.

Хуже всего, что на моей совести была еще одна трагическая смерть — Вероника. Не хотелось думать о том, что где-то на улицах Питера сидит на промерзлой лавочке красивая и неживая оболочка моей соперницы, но я не могла прогнать эти мысли. Прошло две недели с момента нашего поединка, а мне казалось, будто вечность.

Изменилось многое.

Во-первых, мое положение в лицее — ко мне действительно стали относиться, словно к королеве. Даже Елена Владленовна и Шеша были почтительнее, чем обычно. Теперь я могла ездить на выходные домой и вообще выбираться в город так часто, как пожелаю. Я не была человеком и теперь волей-неволей вынуждена хранить секрет лица.

Во-вторых, изменились наши отношения с Владом. Он снова сторонился меня, а я не могла забыть его взгляд после ритуала-поединка. Смотрел, как на убийцу. И я не могла его осуждать. То хрупкое единение, которое начало было зарождаться, разбилось после того, как я стала нагайной. Влад меня избегал, да и я пока не хотела с ним общаться. Сначала нужно было привыкнуть к своей новой сущности и разобраться с проклятьем. Если мы будем вместе, тот мир, в котором я живу, превратится в прах. Стоит ли наша симпатия — я побоюсь слова «любовь» — разрушений? Наверное,

все же нет. Впрочем, я так и не поверила в то, что чей-то роман способен вызвать конец света. Все это слишком странно и нереально.

— Теперь ты понимаешь, почему я не хотел тебя сюда вести? — Хриплый, низкий и такой знакомый голос.

Я резко обернулась, крутанувшись на высоченных каблуках, и едва удержала равновесие. Оказывается, задумавшись, я пропустила момент, когда на противоположной стороне улицы остановилась знакомая темно-синяя «ауди», после ремонта выглядящая как новенькая, и не слышала шагов.

Влад в коротком шерстяном пальто стоял совсем рядом. Он переступал с ноги на ногу и прятал руки в карманах. Я уже знала, что он терпеть не может холод.

— Как ты нашел меня? — спросила я, откидывая с лица мокрые, промороженные пряди волос.

— Я ждал, когда ты поедешь сюда. Знал, что не отступишься и выяснишь все до конца. Это был всего лишь вопрос времени.

Влад пожал плечами и поднял повыше воротник. Его шарф, кашемировый, в мелкую красно-черную клетку, казался забрызганным кровью. Я отметила что красный цвет идет ему, делая и без того яркие черты лица выразительнее.

Рядом с ним я казалась себе тусклым черно-белым негативом возле цветной фотографии. С Вероникой они смотрелись намного лучше.

В душе неловко шевельнулось подзабытое чувство ревности, злости и сожаления. Я не хотела, чтобы все так вышло. Мне не нужен был Влад такой ценой. К тому же сейчас над нами висело

пророчество, игнорировать которое я не могла. Сейчас меня это волновало. Но были моменты...

— С Машей ничего уже сделать нельзя? — спросила я, чтобы отвлечься от невеселых мыслей. Я знала ответ, но нужно было услышать его от Влада и поставить в этой истории точку.

— Нет.

— На каждого рожденного нага есть одна человеческая жертва? — сглотив, поинтересовалась я и уставилась на забрызганные грязью носки белых сапог. Снег, несмотря на то что валил третий день кряду, так и не лег на землю. Под ногами по-прежнему была грязь.

— Такова цена силы.

Влад отвернулся. Нетрудно было понять, о чем он думает. Точнее, о ком.

— А если я не хотела силы такой ценой?

— Правда, что ли?

Он недобро прищурился и шагнул вперед. Шрам на его брови сейчас был совсем белым, намного светлее смуглой кожи. Почему-то это сильно бросалось в глаза.

— Я видел тебя в лице, ты наслаждаешься тем, кем стала. Иногда даже слишком.

— Это не так! — Я покраснела и попыталась объяснить, но наткнулась на стальной взгляд. Губы Катурина были поджаты, а на щеках горел румянец. Сейчас Влад был особенно красив, хотя и злился на меня. Заслуженно.

Не совсем понимая, что делаю, я придвинулась ближе, принялась, растворяясь в свежем запахе туалетной воды, и, ухватившись руками за воротник пальто, потянула на себя.

— Знал бы ты, как притягиваешь меня, когда сердишься! — Я чувствовала, как кровь начинает шуметь в ушах, мир замедляется, а окружающие предметы приобретают странную обтекаемую форму. Я начала с упоением разглядывать плавные линии, впадая в уже знакомый по последним дням транс.

Влад был не прав. Я не наслаждалась новыми возможностями. Пока змеиная сущность доставляла больше проблем, чем дарила преимуществ.

Сердце парня стучало размеренно и громко. Я чуть не начала раскачиваться в такт ритму, но сдержалась. Только прильнула щекой к его груди. Прикрыла от наслаждения глаза, послушала учатившееся сердцебиение и плавно скользнула вверх, обнимая руками за шею и впиваясь в губы жадным поцелуем. Сама не заметила, когда удлинился и раздвоился язык — все же я лукавила, были в змеиной сущности и свои преимущества.

Магнетизму Влада невозможно было сопротивляться. Я могла сколько угодно говорить себе, что нам нельзя быть вместе, но как только оказывалась в метре от него, теряла голову. Алина уступала место змее, живущей лишь инстинктами. А вместе со змеей приходила Вероника, подчиняя мое тело своим капризам. Я заняла ее место, и она мне за это мстила. Инстинкты, принадлежащие королеве нагов, не были моими.

Ветер усилился, закружил вокруг меня хлопья снега, разметал волосы, швырнул их в лицо Владу. Я ближе прижалась к теплому телу, стараясь защититься от пробирающих до костей порывов. Ветер стал моим привычным спутником,

с момента обращения он преследовал меня постоянно, но сейчас, рядом с Владом, я ощущала его порывы особенно остро. Бушующая стихия и огонь, зарождающийся в животе, растекающийся обжигающей плазмой по венам — взрывоопасное сочетание.

— Нет. Так нельзя. — Влад пришел в себя и отстранился первым. Он взъерошил волосы и смущенно огляделся. Мы привлекли внимание нескольких бабулек, поджавших губы от возмущения. Теперь они укоризненно качали головами, перешептывались и осуждающе косились в нашу сторону.

Я довольно хмыкнула и подмигнула им, сама удивляясь своей реакции. Прощая я смутилась бы и покраснела, а эта сделала уверенный и дерзкий шаг вперед и снова демонстративно поцеловала Влада.

— Алина, это не ты. — Катурин отстранился. — Не позволяй Веронике командовать тобой.

Я обиженно поджала губы и заметила:

— Почему ты решил, что это она? Может быть, это просто новая я?

— Вероятно, потому, что очень хорошо ее знаю, — отрезал Влад и взял меня за локоть. — Поехали в лицей. Я совсем замерз. Ты увидела все, что хотела?

— Можно сказать и так.

Я согласно кивнула, про себя отметив, что хотела бы еще найти Веронику. Но почему-то казалось, что этого мне сделать не позволят. Возможно, Влад что-то знает, но с ним обсуждать эту тему я точно не буду.

В лицей мы ехали молча. Каждый думал о своем. Влад сосредоточенно смотрел на дорогу, а я не решалась его отвлечь, хотя прекрасно знала: он совершенно спокойно может вести автомобиль и поддерживать разговор. Просто неожиданно оказалось, что говорить нам не о чем. Все и без слов понятно: если пророчество, которым грезит Шеша, правдиво, вместе нам быть не суждено. А у меня почти не осталось поводов в этом сомневаться. И совсем не хотелось идти напролом и рисковать.

Я до сих пор не могла до конца поверить, что все случившееся со мной за последние несколько месяцев — реальность, хотя начала ощущать метаморфозы на собственной шкуре. Первыми изменились глаза. Сейчас они стали совсем другими, не моими, а зелеными, как у ведьмы Вероники. Свои я, видимо, оставила сопернице, как прощальный подарок. Когда я злилась или нервничала, радужка желтела, а зрачок превращался в узкую вертикальную щель, как у кошки или змеи. Если бы я с самого первого дня в лицее не искала всевозможные истории про нагов, если бы не подглядывала за Владом и другими обитателями лицея и не совалась в подземелье, наверное, эти физические изменения подействовали бы на меня намного сильнее. А так я была относительно спокойна и чувствовала лишь дискомфорт и раздражение от пробегающих время от времени по позвоночнику золотистых чешуек.

Я еще не могла по своему желанию полностью оборачиваться змеей, только иногда во сне мои руки и спину покрывали тонкие золотистые чешуйки. Это быстро научило меня не раскрываться по

ночам. Не хотелось раньше времени пугать Ксюху. Я бы предпочла, чтобы подругу вообще миновала такая судьба, да и всех учеников лица тоже, но пока не представляла, что можно с этим сделать. Пойти в полицию или к журналистам? Меня там не воспримут всерьез, а если и воспримут, то первой заберут на опыты. Нет, говорить о том, что творится в лице, никому нельзя. Нужно действовать изнутри. А как, может быть, подскажет время.

Мое тело подстраивалось под новую сущность и менялось постепенно, пытаясь вспомнить свою первую, спонтанную трансформацию. Об этом мне достаточно подробно рассказала Елена Владленовна на следующий день после ритуального поединка.

— Все придет постепенно, — заметила она, и в ее голосе мелькнула, удивившая меня забота. — Быстрее, чем змеиная сущность, проявится сила королевы нагов. Скоро ты сможешь повелевать одной из стихий — воздухом. Это основное отличие от обычной нагайны — ты наделена магией. Именно поэтому вы с Владом идеальная пара: огонь, текущий по его венам, не способен гореть без воздуха. С тобой он станет сильнее. Алина, ты ведь неглупая девочка, ты знаешь, что бывает, если грамотно соединить воздух с огнем...

— Взрыв, — прошептала я.

— В вашем случае — вселенский.

Елена Владленовна довольно улыбнулась, а я поняла, что теперь во что бы то ни стало буду держать Влада на расстоянии. Видимо, эти мысли отчетливо отразились на моем лице, так как помощница директора, фыркнув, заметила:

— Не думай, будто все так просто. Алина, вы с Владом связаны. Не так-то легко будет держаться от него подальше. Тем более ты еще не все знаешь о себе. Тебя ждут большие сюрпризы.

Следующие несколько дней я провела в изоляторе, вдали от остальных учащихся. Для всех я приболела желудочным гриппом и, чтобы никого не заражать, была помещена в изолятор медблока. На самом деле все это время я училась контролировать проявляющуюся змеиную сущность. Это оказалось чуть проще, чем я себе представляла, и через четыре дня меня выпустили в лицей на новых условиях. Я стала почти свободна.

О каких сюрпризах говорила Елена Владленовна, я понял достаточно быстро. И внутренние изменения напугали меня значительно сильнее, чем внешние проявления второй ипостаси, несмотря на всю их безобразность. Во-первых, меня, как и предсказывала помощница директора, невероятно сильно тянуло к Владу. Сильнее, чем до обращения. Пока его не было рядом, я всего лишь вспоминала и думала о нем, но едва парень появлялся на горизонте, словно сходила с ума и готова была наброситься на него. К счастью, Влад, видимо, и сам чувствовал нечто подобное. И старался не приближаться.

Полтора часа наедине с ним в тесном салоне машины после вскипятившего кровь поцелуя были сущей пыткой и, похоже, не для меня одной. Я видела, как побледнели пальцы, вцепившиеся в руль, а на сильной, покрытой ровным загаром шее моего спутника отчетливее выделилась на-

пряженная мышца. Влад нервничал не меньше меня, притяжение было обоюдным.

В глазах потемнело, дышать стало тяжело, и я зажмурилась, пытаясь сохранить остатки рассудка. Начиналось то, о чем предупреждала Елена Владленовна: второй неприятный сюрприз. Я теряла над собой контроль, уступая место сущности Вероники, засевшей где-то глубоко в моем рассудке. Я чувствовала, как нечто чужеродное и пугающее пытается подчинить себе мои действия и мысли, и начинала думать и вести себя так, как моя соперница.

Это было по-настоящему страшно, потому что я не могла понять, где заканчиваются мои собственные желания и начинаются ее. Я боялась, что однажды стану бесправным придатком в собственном теле, которым начнет управлять соперница. Я не слышала в голове ее голос, она не указывала мне, что делать... Просто я медленно, но неумолимо становилась ею, перенимая характер и манеру поведения. Сегодня это заметил даже Влад. Если победит Вероника, она приберет к рукам Влада и разрушит существующий мир, как этого желает Шеша.

Подобная перспектива казалась такой ужасной, что я постоянно была начеку и в меру сил пресекала попытки соперницы вылезти наружу и диктовать свои условия. Проблема в том, что с каждым днем это становилось все сложнее, и я опасалась, что, возможно, не во всем стоит винить Веронику. Может, мой характер меняется не под воздействием ее сущности, а потому, что я сама становлюсь другой.

Прощание у центрального входа в здание лица вышло неловким. Я была слишком увлечена своими невеселыми мыслями, а Влад — своими. С грустью посмотрев на его мрачный профиль, я, не удержавшись, чмокнула Катурину в щеку. Но не учла, что он может повернуться, и нечаянно скользнула по теплым, пахнущим апельсином и корицей губам. Снова накатило волнение и захотелось большего, поэтому пришлось поспешно выскочить из салона автомобиля.

— Осторожно, глаза! — донеслось мне вслед. Вот черт!

Я замерла возле машины и зажмурилась, пытаясь привести в порядок дыхание. Досчитала до десяти и медленно разлепила веки, торопливо нащупывая в кармане маленькое зеркальце. Зрачки приняли свою обычную форму, значит, все нормально и можно не опасаясь двигаться дальше.

На ступенях длинной, ведущей к центральному входу, лестницы, как всегда, было много народа, и большинство лицеистов с интересом смотрело на меня. Все почему-то считали, что Вероника ушла из лица по причине нервного срыва, который произошел у нее из-за расставания с Владом. Основной причиной расставания, безусловно, называли меня. И теперь с интересом наблюдали за тем, как мы с Владом шарахаемся друг от друга по коридорам. Веронику в лице любили, а меня не очень.

Даже Ксюха смотрела на меня косо, а я не могла ее за это осудить, потому что на самом деле я поступила с Вероникой намного хуже, чем делали остальные.

Глава 2

ГОРЕЧЬ ВОСПОМИНАНИЙ

Влад

С некоторых пор на крыше стало совсем неуютно — похолодание и снег убили все очарование этого места. На перилах образовалась скользкая ледяная корка, а по открытой площадке гулял порывистый ноябрьский ветер. До наступления зимы оставались считанные дни, и два времени года яростно боролись друг с другом. Затяжной осенний дождь переходил в мокрый снег, к вечеру на лужах появлялось хрупкое стекло льда. Размешанная за день грязь на тропинках вокруг лица превращалась к ночи в полосу препятствий, состоящую из промороженных горбылей.

Сейчас к пронизывающему до костей ветру прибавился мелкий колючий снег, горстями летящий в лицо. Влад сунул руки в рукава короткого шерстяного пальто, поежился, но не сдвинулся с места. Отвратительная погода была под стать настроению.

Он слишком много времени провел в небытии, в одиночестве, поэтому чересчур трепетно относился к привязанностям аватара, мир которого составляли: не самый заботливый

отец — Анатолий Григорьевич Катурин (Шеша); лучший друг — Ян, он же бог подземного мира Яма; и любимая девушка — Вероника. Алина ворвалась в этот закрытый мирок стремительно и нагло, спутав все карты и поставив Влада перед непростым выбором, совершая который он, видимо, серьезно ошибся.

Нет больше лучшего друга — есть предатель. Именно по его вине перестала существовать Вероника, а Алина так и осталась несбыточной мечтой. Сейчас даже в большей степени, чем раньше. А Шеша... Шеша очень скоро поймет, что Влад не собирается помогать ему рушить существующий мир. Незачем. Он осознал, что месть не принесет удовлетворения или облегчения. Только пустоту, которой вокруг и так слишком много. Но разве объяснишь это жаждущему власти королю нагов? Шеша лишь обозлится и в ближайшее время будет искать возможность отыграться на своем воспитаннике.

Боль от предательства Яна была самой сильной. Именно его Влад привык называть другом — единственным другом. Хотя кто знает, быть может, дружили не бог смерти Яма и презренный змей Вритра, а две человеческие аватары. Влад не знал ответа на свой вопрос. Ян сильно отличался от всех богов, вполне возможно, что причина этого отличия крылась в его прошлом. Он единственный когда-то был человеком. Пусть много тысячелетий назад, но все же память о том времени сохранилась. Яме, как он ни пытался это скрыть, были доступны неведомые другим богам чувства и эмоции.

Влад хорошо помнил тот день, когда маленьким испуганным мальчиком пришел в унылое каменное здание лица. Все здесь казалось страшным, чужим и пугающим. Змей Вритра, поселившийся внутри хрупкого тела, прекрасно понимал, зачем он здесь, а вот маленький Влад — нет. Он хотел тепла, увидеть маму и стать обычным малышом. Он пока не знал, что это невозможно. Что ему всю жизнь придется искать баланс между своей божественной сущностью и хрупкой человеческой аватарой. И попеременно будет брать верх то одна, то другая ипостась, делая настроение переменчивым, характер — состоящим из контрастов, а самого Влада — неуживчивым.

Молодой и веселый парень Ян был первым, кто обратил внимание на малыша. Именно он лучше всех понимал его проблемы и общался не только с Вритрой, но и с его хрупкой несчастной оболочкой. То ли потому, что сам прошел перевоплощение всего несколько сотен лет назад, а может, из-за того, что лучше всех понимал людей и у него самого некогда, очень давно, были свои дети.

Эта странная дружба, зародившаяся какие-то пятнадцать лет назад, была самым ценным для Влада. Ян приходился ему не просто другом, но и старшим товарищем, практически братом. Его предательство оказалось неожиданностью. Теперь в голову закрадывалась мысль: а доброта, сочувствие, дружба? Были ли они? Или это все лишь игра? Может быть, слабая аватара забавного человеческого детеныша являлась лишь игрушкой для скучающего бога?

Влад заметил, что в последнее время стал вообще чересчур чувствительным ко всему происходящему в этом мире. Аватара оказывала на него слишком сильное влияние, и он не мог от него избавиться. А может, просто не хотел. Заманчиво заново испытать настоящие, неподдельные чувства, недоступные прожившему слишком долго богу.

— Зачем явился? — бросил Влад, не меняя позы. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы почувствовать, как за спиной неслышно появился Ян. Говорить с предателем не хотелось. Влад успешно избегал его всю неделю. Ян занимался чем-то своим и почти не появлялся в лицо, но сейчас, видимо, захотел поговорить.

— Я пришел извиниться.

— Тебе не свойственно извиняться.

— Мы все меняемся. Даже я.

— Твое извинение вернет Веронику? — безразлично поинтересовался Влад. — Или, быть может, даст мне шанс быть вместе с Алиной?

— Я думал, любимая королева нагов и возможность отомстить старым богам сделают тебя счастливым.

— Ты зря думал за меня. Я не просил об этом, — жестко бросил Влад и развернулся, гневно сверкая глазами.

— Теперь я это понял. — Ян сделал шаг вперед. — Тогда — нет. Я виноват. Может, попробуем исправить?

— Не имеет смысла. — Влад злился и не желал ничего слушать. — Все рухнуло, словно картонный домик. Пророчество... Вероника... Ян, из-за

тебя одна моя девушка убила другую! Как такое можно исправить?

— У Алины не было выбора. Хочешь кого-то винить в случившемся — вини всецело меня.

— Я и виню тебя. Просто не нужно делать вид, будто можно что-то изменить. Уже нельзя. В моих силах лишь одно: держаться на расстоянии от Алины и сохранить этот мир в том виде, в котором он существует сейчас.

— Ты знаешь, это будет невероятно сложно. Шеша не позволит. В шаге от своей цели он ни за что не отступится. Да и из-за пророчества связь между вами с Алиной очень сильна.

— Так помоги. Ты мне обязан. Рано или поздно о новой королеве нагов и о пророчестве, которое заинтересовало Шешу, узнают другие. Как ты думаешь, кого попытаются убрать в первую очередь? Меня или ее? — в голосе Влада прозвучала неприкрытая ирония, он знал, насколько очевиден ответ.

— Попытаются убить более слабого. Это не так хлопотно, — согласился Ян.

— Так не спускай с нее глаз. Ты мне должен.

— Я тебе должен. — Ян не стал спорить. — Я буду защищать Алину.

— И от меня, если потребуется.

— Как скажешь. — Яма пожал плечами.

— А сейчас уходи.

— Еще не мир? — хитрая улыбка уголком губы и прищур черных глаз.

— Я тебе не доверяю, Ян.

— Но поручаешь защищать Алину? Это не кажется тебе странным?

— Нет. — Влад пожал плечами и уселся на перила. — Ты единственный, у кого может получиться сохранить ей жизнь, если кто-то объявит на нее охоту.

— Ты прав. — Ян воспринял реплику друга как должное. — Можно еще один вопрос?

— Если я скажу «нет», тебя это остановит?

— А как ты думаешь сам? — Ян не скрывал смеха.

— Спрашивай.

— Ты видел Веронику после случившегося?

— Нет. — Влад спрыгнул с перил на крышу и отвернулся, рассматривая кружащийся над парком снег. — Я хочу побыть один. Уходи.

— Как скажешь, — хмыкнул Ян и скрылся в дверном проеме, ведущем на чердак. Судя по всему, довольный разговором.

Влад не представлял, зачем соврал другу. В желании посмотреть на то, что стало с Вероникой после ритуала, не было ничего постыдного или запретного, но он все же умолчал о поездке, которая произошла всего неделю назад. Возможно, из-за того впечатления, которое она на него произвела. Или потому, что вряд ли получилось бы упомянуть вскользь, пришлось бы рассказывать подробнее, а Влад не был готов.

Он сам не знал, зачем отыскал в записях Елены Владленовны адрес Вероники, сел в машину и примчался к ее дому. Он ни разу сюда не приезжал, они с Вероникой никогда не говорили о семье и жизни вне лица. У него ничего подобного просто не было, а почему молчала девушка — тайна. Раньше Влада это не волновало, а сейчас уже не узнаешь.

Находиться там было бессмысленно и больно. Влад стоял рядом с машиной и отстраненно изучал двор. Давно некрашенные лавочки возле подъездов. Видимо, по причине плохой погоды с пронизывающим ветром и начинающим накрапывать ледяным дождем на них никого не было. Детская площадка с горками, песочницей и уныло скрипящими качелями. Двор казался вымершим. Лишь черно-белый, с грязной манишкой, кот подозрительно шурился с невысокого заборчика, словно знал, зачем сюда пожаловал Влад.

Катурин чувствовал себя виноватым в том, что случилось с его бывшей девушкой, но ничего не мог изменить. По сути, Вероника стала частью Алины, а домой вернулась пустая оболочка — умирающее слабое тело. Но, несмотря на все это, Влад все же стоял здесь, возле подъезда с выкрашенной темно-синим железной дверью, и с подозрением изучал домофон, словно эта техника была ему совершенно не знакома.

Он не хотел заходить. Наверное, развернулся бы и уехал, если бы его не перехватила у подъезда немолодая, совершенно обычная женщина с понурым лицом и короткими волосами неопределенного цвета. Влад никогда не обратил бы на нее внимания, если бы она не подошла к нему сама.

— Ты ведь Влад? — взволнованно поинтересовалась она и схватила молодого человека за рукав пальто. Не сильно и не настойчиво. Этот жест не раздражал. — Вероника много говорила о тебе. Столько фотографий показывала! Я будто знаю тебя уже давно.

«А я вас нет», — чуть было не ляпнул Катурин, но заметил зеленые глаза женщины и все понял. Он и правда не мог ее знать. С Вероникой они не разговаривали о семье. Никогда.

— Я даже не представилась, — смутилась женщина, видимо, прочитав что-то на лице Влада. — Софья Леонидовна — мама Вероники. Что ты стоишь на улице? Пойдем. Она хоть и пишет, что не хочет никого видеть, тебе, думаю, обрадуется.

— Пишет? — насторожился Влад, пропустив остальную часть реплики женщины мимо ушей.

— Ты не знаешь? — В глазах Софьи Леонидовны мелькнула боль. — Вероника собиралась на выходные домой, несмотря запрет, существующий в лицее. Она часто так делала. Даже не знаю, как у нее это получалось, но... ты же знаешь, Вероника была хитрой и целеустремленной девочкой. Всегда добивалась того, чего хотела. — Женщина тяжело вздохнула и продолжила: — Я должна была запретить ей приезжать одной, но ее брат, мой старший сын, недавно женился и переехал в Москву. Отец постоянно в командировках, а я не вожу машину, поэтому Веронике приходилось добираться одной. До остановки достаточно далеко. Сколько раз я ей говорила, чтобы попросила кого-нибудь подвезти! Но она не слушалась...

«Конечно, — подумал Влад. — Если бы я знал, что Веронике позволено ездить домой, сразу бы заподозрил неладное. Вот она и молчала».

— В этот раз на нее напали.

«Здесь начинается сказка, придуманная Еленой для родителей», — отметил про себя Влад и приготовился слушать внимательнее.

— Затолкали в машину. На счастье, мимо проезжал ваш директор и успел спасти мою девочку. Но, видимо, стресс оказался слишком сильным. Вероника очень изменилась, практически до неузнаваемости. И... замолчала. Врачи говорят, что поможет только время и привычная домашняя обстановка. А еще... — Женщина помолчала, собираясь с мыслями. — Ее глаза!

— Что с ее глазами? — вежливо поинтересовался Влад, прекрасно зная ответ.

— Они сменили цвет! Знаю, что такого не может быть, но у моей девочки никогда не было голубых глаз...

Влад молчал, не зная, что сказать. Мама Вероники, заметив его состояние, глубоко вздохнула и, смахнув блеснувшую на щеке слезу, заметила:

— Глаза — это мелочи, ее душевное состояние волнует меня значительно больше. Может быть, со временем ей станет лучше.

«Не станет», — грустно подытожил Влад, и на душе стало совсем паршиво. Он видел скорбное лицо и тоску во взгляде женщины и испытывал щемящую жалость. Но заставить себя зайти внутрь на мог: слишком пугало то, что он должен был увидеть.

— Я не собирался заходить. — Он прокашлялся и закусил губу, заметив, что лицо женщины осунулось еще больше.

— Я понимаю, — ответила она. — Мало кто хочет общаться с больной. Она совсем не та, что была раньше. Это тяжело.

— Дело не в этом. — Влад покачал головой и сунул руки в карманы. Он не привык и не

умел общаться с обычными взрослыми людьми. Его окружали лишь хладнокровные наги, древние боги и небольшое количество неуравновешенных подростков.

— В чем же? — недоверчиво уточнила женщина и нахмурилась. — Пока не случилось несчастье, дочь только и говорила что о тебе! Фотографии твои всем показывала... А ты боишься ее навестить!

— Не боюсь. Просто мы сильно поругались, до того как... — Влад замялся, подбирая слова. — Думаю, я последний, кого она хотела бы видеть.

— Ты не прав. — Черты лица Софьи Леонидовны смягчились. — Даже если она и злилась раньше, сейчас это не имеет значения.

Наверх по бетонной лестнице Влад поднимался с опаской. Он не ожидал от себя такого волнения. Прихожая в квартире Вероники оказалась узкой и длинной. Шкаф, тумбочка под обувь, и все — разойтись вдвоем в коридоре невозможно.

Катурин нервно прижался к стенке, неловко разулся и под внимательным взглядом Софьи Леонидовны проскользнул в комнату Вероники.

Он не так представлял себе то место, в котором выросла девушка. Комната была рассчитана на двоих, а ведь Вероника даже не говорила о том, что у нее есть брат. Видимо, стеснялась семьи. В лицее девушку считали обеспеченной и гламурной, но, похоже, она просто умела очень хорошо пускать пыль в глаза. Двухъярусная не новая кровать у стены, напротив — массивный компьютерный стол, за которым можно комфортно разместиться вдвоем. Над ним — книж-

ные полки. У окна старое кресло с развалившимся на нем огромным плюшевым медведем.

Поджав под себя ногу, Вероника сидела спиной к двери за компьютерным столом и что-то увлеченно рисовала. Когда вошел Влад, девушка даже не сразу среагировала. Он замер, не решаясь окликнуть или как-то иначе привлечь к себе внимание, лишь внимательно рассматривал худую спину, темные, волнистые, собранные в высокий хвост волосы и такой знакомый и одновременно чужой профиль.

— Вероник...

Услышав знакомый голос, девушка испуганно вздрогнула, выронила карандаш и развернулась. В голубых, принадлежащих Алине, глазах промелькнула целая гамма чувств: страх, злость, отчаяние и, наконец, радость.

— Ты как?

Влад сделал нерешительный шаг вперед, а Вероника, немного подумав, пожала плечами и отвернулась к окну — медленно и отрешенно.

Влад закрыл глаза и сжал от бессилия зубы — все, как всегда.

«А что ты хотел? — спросил он сам себя. — Неужели надеялся, что с ней будет иначе? Не так, как с другими? Глупые, наивные мечты».

Говорить не о чем, Вероники больше нет. Она перестала существовать, отдав всю свою силу и индивидуальность. А здесь, в этой комнате, доживала последние дни лишь пустая оболочка, какой бы трогательной и хрупкой она ни казалась.

Влад присел на краешек стола исключительно из вежливости, чтобы не выходить из комнаты вот так сразу и не расстраивать еще больше маму девушки. И тут его взгляд зацепился за картину, которую рисовала Вероника. Беспорядочные рваные линии, похожие на обычные черкотины, неожиданно начали складываться во вполне логичный рисунок: клубок змей с оскаленными пастьми и капающим с клыков ядом. В центре стояла маленькая, похожая на мотылька, девочка с фонарем. Единственное светлое место на темном, тщательно заштрихованном фоне из извивающихся змей и переплетения линий потоньше.

— Это ты рисовала? — потрясенно пробормотал Катурин.

Вероника обернулась и нерешительно кивнула, протянув тонкую руку к листу бумаги, словно хотела его убрать. Но потом передумала и просто взяла карандаш. В ее глазах на миг промелькнула едва заметная усмешка, девушка словно спрашивала Влада: «Что, не ожидал от меня?»

Потом ее лицо снова стало безразличным, но и этого мгновения ему хватило, чтобы понять: пусть эта хрупкая, без грамма макияжа на милостивом лице, девушка совсем не походила на прежнюю Веронику — она была странной, замкнутой и чуть-чуть сумасшедшей, но она жила, а не существовала, как это делала бы пустая оболочка. Эта беззащитная, лишенная сверхъестественной харизмы Вероника не заслуживала смерти.

Решение пришло внезапно, и Влад, пробормотав что-то маловразумительное, ретировался в туалет. Тут было чисто, но очень тесно. Не лучшее место для того, что он собрался сделать, но зато никто гарантированно не увидит.

Руки проворно перебирали тонкую, хранящуюся на всякий случай в кармане проволочку. Пальцы искусно сворачивали причудливые завитушки, сминали теплый податливый металл, придавая ему выбранную творцом форму — маленькой и беззащитной девочки-мотылька. Между пальцами и металлом вспыхивали голубоватые искорки редко используемой магии. Влад думал, что давно забыл древнее искусство, но, оказывается, обретенный когда-то навык утратить не так-то просто.

Скоро в его ладонях лежал разборный амулет — девочка-мотылек, окруженная кольцом змей. Все это было нереальной глупостью, но Влад ничего не мог с собой поделаться. Он и так слишком виноват перед Вероникой, чтобы спокойно допустить ее смерть.

Кольцо из змей Влад тут же прицепил себе на шею, а девочку-мотылька отнес в комнату и протянул Веронике:

— Надень!

«Зачем?» — читался немой вопрос в ее широко раскрытых голубых глазах.

— Ты ведь помнишь, что с тобой случилось? — осторожно начал Влад, но девушка безразлично посмотрела на него пустыми глазами.

Если бы чуть раньше он не чувствовал искорки жизни в этом теле, то подумал бы, что девуш-

ка мертва. Но нет, несмотря на то что Вероника молчит и производит впечатление куклы, она должна понимать, о чем идет речь.

— Ты прекрасно понимаешь, — мягко, но настойчиво продолжил Влад. — Эта беззащитная девочка на рисунке? Это ведь ты, правда? Давай ее защитим, а? Я хочу помочь.

Вероника настороженно молчала, закусив нижнюю губу, видимо, решала, принимать помощь или нет. Зажатый в ее руке карандаш в это время уверенно выводил новые изломанные линии. Влад никогда не видел, чтобы она рисовала раньше, и не знал, что это: последствие пережитого стресса или тщательно скрываемый ранее талант?

Вероника не могла не восхищаться. Потенциальная королева нагов, она умудрилась оставить себе во время ритуала хоть какое-то подобие жизни и воли. Но кого это волнует? Она отработанный материал, который в свое время уничтожат.

— Надень, — еще раз попросил Влад. — Рано или поздно они за тобой придут. Оставь мне возможность узнать об этом и успеть помочь.

Вероника не отвечала, но потом сосредоточенно кивнула и зажала кулон в маленьком кулачке. Влад смотрел на эту совсем чужую девушку, даже внешне мало похожую на прежнюю Веронику, и не испытывал ни любви, ни страсти, только жалость и желание защитить. Ей и так слишком много пришлось из-за него пережить.

Молодой человек накрыл ладонью кулак Вероники с зажатым в нем кулоном и шепнул:

— Я приду, когда тебе будет угрожать опасность.

Он поцеловал девушку в макушку и вышел из комнаты.

На автомате попрощался с Софьей Леонидовной, выскочил из квартиры и, сбежав вниз по лестнице, кинулся к припаркованному у подъезда автомобилю. Усевшись на водительское сиденье, прикрыл лицо руками. Его трясло. Визит оказался тяжелее, чем Влад мог себе представить.

Глава 3

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Утро было неожиданно солнечным, а настроение — непривычно хорошим. Я потянулась, зажмурилась от удовольствия и села на кровати. Хотелось танцевать и петь. Впервые с того времени, как стала нагом, я не испытывала сожалений и угрызений совести.

Ксюха еще спала, поэтому удалось занять душ первой. Когда я вернулась в комнату, подруга сидела на кровати, понуро опустив голову.

— Что с тобой? — Я жизнерадостно плюхнулась на стул и принялась расчесывать густые пшеничные волосы, немного потемневшие после душа.

— Голова болит, — едва слышно отозвалась Ксюша, поднимая на меня воспаленные, в красных прожилках, глаза. — Уже, наверное, неделю болит. А сегодня что-то вообще плохо. Такая слабость...

— Может, дать тебе таблетку? — поинтересовалась я и заметила слабо светящуюся, бледно-желтую ауру. Энергия подруги была совсем не защищена: ни прозрачных куполов, ни барьеров. Казалось, Ксюша даже не представляет, каким сокровищем обладает и как просто его украсть.

Я передала Ксюше упаковку обезболивающих из аптечки и, коснувшись ее пальцев, не удержалась: запустила свою нить прямо в ее бледно-желтую, едва подрагивающую ауру. Хотела сделать всего несколько глотков, но не удержалась и взяла больше.

Ксюша, которая шла по направлению к туалету внезапно покачнулась и ухватилась рукой за стену, а я, испугавшись, что подруге станет совсем плохо, с сожалением отпустила.

Неприятно было ощущать себя пиявкой, но, как ни странно, я не испытывала угрызений совести по поводу того, как поступаю с Ксюшей. Я прекрасно понимала, что убиваю ее день за днем, высасывая силы, но не собиралась останавливаться. Где-то в глубине души это пугало. Там, где пряталась прежняя совестливая и добрая Алина. Алина-нагайна частенько посмеивалась над той наивной и бесхитростной девочкой, которая с каждым днем появлялась все реже. Она, как и Ксюша, постепенно умирала.

Впрочем, за Ксюшу я переживала меньше, чем за себя прежнюю. Подругу постоянно подпитывал Ян, не давая ей ослабеть, а вот помочь прошлой Алине не мог никто.

Сегодня я собиралась тщательнее, чем обычно, испытывая прилив сил и вдохновения. Видимо, ночью неосознанно вытянула слишком много энергии, и она теперь плескалась через край и требовала выхода, иначе нечем было объяснить мое приподнятое настроение и головную боль соседки. Сегодня хотелось отбросить прочь все сожаления и начать новую жизнь.

Этим я планировала заняться с самого утра. Мне надоело действовать по чужой указке и постоянно оставаться тени. Настало время показать свою истинную сущность. Нет, я не собиралась оборачиваться змеей у всех на виду, хотя это и было заманчиво, просто решила стать чуточку смелее и раскованнее.

— Ты совсем с ума сошла! — констатировала появившаяся из душа подруга. — Тебя Владленовна съест живьем.

— Не съест! — Я довольно улыбнулась и повертелась перед зеркалом, изучая свой новый дерзкий образ. — Зубы свои змеиные пообломает!

— Да что с тобой, Алин? — недоуменно покосилась в мою сторону подруга. — Ты очень сильно изменилась.

— В очередной раз. Не так ли? — Я иронично приподняла бровь и хмыкнула, намекая Ксюхе, что она слишком часто упрекает меня в переменах. Недавно корила за излишнюю замкнутость, теперь выражает недовольство смелостью.

— Возможно, я и правда стала слишком мнительна, — примирительно кивнула Ксюша и стала закладывать тетради в массивную сумку-мешок защитного цвета. — Одевайся, как знаешь! Просто я не понимаю, откуда такая смелость?

— Это и не нужно понимать, — задумчиво протянула я и посмотрела на подругу.

Она все еще была бледна, но выглядела значительно лучше. Видимо, умела быстро восстанавливать силы. Или Ян снабжал ее энергией с запасом. Что же, мне лучше — на дольше хватит.

Я понимала, почему Ксюху шокировал мой внешний вид. Сегодня я решила нагло пренебречь лицейской формой и надела джинсы, вызывающие красные ботильоны на убийственно-высокой шпильке и алую блузку, две последние пуговицы на воротнике которой застегивать не стала. Получилось дерзко, вызывающе и откровенно. Все, как мне хотелось.

Вообще, мне никогда не шел классический красный цвет. Он делал пастельную внешность совсем блеклой. Но существовал оттенок, который подходил мне просто изумительно: холодный, насыщенный алый. Еще не малиновый, но уже и не огненный. Если я покупала себе красные вещи, то старалась брать именно его. Жаль, что найти такой цвет было непросто. Раньше я не часто позволяла себе экспериментировать с вызывающими цветами, но сейчас решила, что пора исправить эту оплошность. Тем более мне до зубовного скрежета надоели плиссированные клетчатые юбки и строгие белые блузки.

Ксюха закончила собирать сумку, еще раз бросила на меня изумленный взгляд, и мы отправились в столовую на завтрак. В коридорах былолюдно, но пока еще тихо. Сонные, словно мухи после зимней спячки, лицеисты небольшими группами по два-три человека лениво ползли в сторону столовой. День становился все короче, и вставать по утрам стало на порядок сложнее. Хотелось поспать часов хотя бы до десяти.

Олега я увидела издалека. Парень избегал меня и виновато прятал глаза при моем приближе-

нии. Я ненавидела его за предательство. Не могла забыть обиду и то, как он запер меня в клетке, не смотря на мои слезы и мольбы. А ведь я считала его своим другом. Сильнее я ненавидела только Яна, который так же втерся в доверие, но оказался хитрее обычного мальчишка на побегушках и сумел выполнить приказ Шеши.

До сегодняшнего дня я лишь злобно косилась на нага-прислужника и не решалась высказать все, что думаю. Но сейчас внезапно поняла: он меня боится. Все эти взгляды украдкой и попытки ретироваться, едва я только возникаю на горизонте, — не что иное, как страх.

«Все так и должно быть, — удовлетворенно подумала я. — Он обычный наг и обязан подчиниться королеве. У меня есть власть над ним. Понять бы еще, какая».

— Ты куда? — окликнула меня Ксюха, когда я резко развернулась и быстрым уверенным шагом отправилась в сторону Олега, болтающего со своими сокурсниками.

— Нужно уладить одно дело! — сосредоточенно бросила я и перестала обращать внимание на Ксюхины вопросы. Ничего не понимающая подруга поспешила за мной. Я подумала, что она, наверное, даже не в курсе наших с Олегом разногласий. Точнее, не в курсе, что они у нас вообще есть.

Передо мной, рядом с Олегом, стояло трое нагов, сзади них была стена. Ксюха идет за спиной, значит, никто посторонний не увидит моего лица. Можно не скрывать свою злость и змеиную сущность.

— П-привет, Алина! — проблеял Олег. Он нерешительно шагнул назад, но уперся в стену. Судя по побледневшему лицу парня, вид у меня был пугающий. Я и сама чувствовала, как начинает зудеть позвоночник — пробивается сквозь кожу чешуя. Зрение приобретает нечеловеческую четкость, но сужается его фокус. Я могла в мелочах разглядеть Олега, вплоть до маленьких черных точек у него на носу, но почти не видела его спутников: они превратились в не имеющие значения размытые пятна. Чувствуя себя хозяйкой положения, я расслабилась и показала клыки. Я была королевой, самой сильной среди этого скопления мелких сошек, и собиралась показать им свою власть.

Больше всего радовало то, что Олег даже не мог мне ответить. Он был вынужден оставаться в человеческом слабом обличье. Сзади меня стоит Ксюша, да и других лицеистов в коридоре предостаточно. Пугать простых смертных нагам категорически запрещается. И если мне теоретически подобная вольность и могла сойти с рук, то обыкновенного нага ожидало суровое наказание, а может быть, и смерть. Олег знал об этом и поэтому сдерживался.

— Ты обидел меня, — безапелляционно заявила я и чувствительно ткнула пальцем в грудь парня. Воспоминания о подземельях заново всколыхнули утихшую злость. Я готова была растерзать обидчика на месте и чувствовала, что моих сил для этого хватит. Но пока я считала себя человеком, а люди не разрывают на куски других

людей, даже если очень хочется. Ну, по крайней мере, психически нормальные люди.

— Я могу извиниться, — произнес Олег в ответ на фразу, которую я уже успела забыть.

Парень пытался сделать вид, что ничего не происходит. Он прекрасно понимал, что я не могу открыто развивать эту тему — она не для посторонних ушей, и надеялся замять разговор. Возможно, этот фокус удался бы с прошлой Алиной, но сейчас — нет. Я не собиралась сдаваться, к тому же страх Олега можно было почувствовать физически. Это забавляло, дразнило. Я испытывала потребность сломать парня, подчинить своей воле.

— Мне не нужны твои извинения, — отозвалась я и подошла ближе, практически прижимая Олега к стене.

— Зачем же ты тогда начала этот разговор?

Олег изо всех сил пытался выглядеть достойно. У него это неплохо получалось, но обмануть меня он не смог. Парень посмотрел в сторону своих друзей в поисках поддержки, но они молчали и стыдливо опускали глаза в пол. Не то чтобы боялись меня, скорее просто знали, кто перед ними, и не хотели встречать.

— Если тебе не нужны извинения, — предпринял еще одну попытку Олег, — иди куда шла! — За показной бравадой скрывалась нарастающая паника. Я наслаждалась моментом триумфа и тела большего.

— Понимаешь, Олег... — Я сделала вид, что задумалась. — Чтобы искупить твою вину, одних

извинений мало. Ты ведь сам это прекрасно знаешь.

Я пристально смотрела ему в глаза, не отрываясь ни на секунду, пытаясь подчинить себе волю сопротивляющегося парня, и через минуту добилась своего: Олег, сцепив зубы, кивнул. На лбу парня выступили бисеринки пота. Видимо, он сопротивлялся изо всех сил, но я обладала способностями совсем иного уровня. Никто из присутствующих нагов не мог со мной сравниться.

— Вот видишь? — Я попыталась ласково улыбнуться, но Олег побледнел еще сильнее. Сзади меня нерешительно дернула за рукав Ксюха, робко пытаясь увести и закончить разборки.

— Алин, пойдем! — позвала она. — Прекрати, ты перегибаешь палку!

Я ее не слушала, лишь отмахнулась от удерживающей руки. Вокруг нас начали собираться любопытствующие. Внимание лицеистов придало мне сил и куража. Я, не стесняясь, запустила вокруг себя несколько нитей, возобновляя запас энергии, и снова посмотрела на Олега. Он не выдержал и раздраженно бросил:

— Ну, так чего ты от меня хочешь?

— Покорности, — сладко пропела я, чем ввела в ступор всех окружающих, включая ойкнувшую от неожиданности Ксюшу. За спиной раздалась редкая смешка, попытался ухмыльнуться и сам Олег, но я не позволила ему наглотаться: опутала нитью, пресекая попытки от нее избавиться, уставилась прямо в глаза, сминая, лишая воли, ломая. По коридору, всколыхнув шторы, пронесся порыв ветра, а я прошипела:

— На колени!

Олег пытался сопротивляться, но все же не справился и рухнул у моих ног, а я, наклонившись к его уху, шепнула:

— Я твоя королева, а ты — слуга. Верный и преданный. С этого момента ты на моей стороне. Всегда.

Отшвырнув коленопреклоненного парня, я резко развернулась и пошла прочь, игнорируя удивленные взгляды. Моя разительная перемена не осталась незамеченной, лицеисты перешептывались за спиной, но меня это не трогало. У двери в столовую я заметила Яна: блестящие, убранные в хвост волосы, светлые джинсы и узкая, облегающая майка. Мне совершенно не нравилось то, что я стала замечать, как он одет. Влада рядом с ним не было, но я и не хотела бы, чтобы он видел мое представление. Ян тоже тут лишний, но от него уже не избавишься. Придется терпеть.

Парень направился в нашу сторону. Его взгляд не предвещал ничего хорошего. Я приготовилась к очередному конфликту, тем более на лучшего друга Влада у меня тоже имелся зуб, но заметила, что по коридору от своего кабинета к нам стремительным шагом направляется Елена Владленовна.

— Алина Крылова! Ко мне в кабинет, быстро! — гаркнула она и уставилась на меня немигающими ярко-зелеными глазами. Елена Владленовна была зла, точнее, в бешенстве, но, как ни странно, меня это веселило.

Еще неделю назад мое сердце ушло бы в пятки, но сейчас я чувствовала себя всемогущей

и совсем не боялась. Наоборот, получала удовольствие и от происходящего, и от ощущения собственной безнаказанности.

— А если я не хочу никуда идти? — Я приторно улыбнулась и с ненавистью посмотрела на помощницу директора.

— Не выступай передо мной! — зашипела рыжеволосая нагайна, презрительно сузив глаза. — За мной, быстро!

Я хотела встать в позу, но потом вспомнила про Яна. Сейчас он стоял рядом с Ксюхой, и я видела, что к моей подруге тянется нить, восполняющая запас энергии, который я изрядно опустошила. Смотрел при этом парень на меня, и его взгляд пугал. Выбирая из двух зол, я предпочла меньшее и, демонстративно улыбнувшись Яну, отправилась за Еленой Владленовной «на ковер».

Глава 4

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Елена Владленовна неслась по коридору с такой скоростью, что я едва за ней успевала на своих двенадцатисантиметровых шпильках. Кураж прошел, пыл поумерился, и я уже немного жалела, что повела себя столь агрессивно и вызывающе. Не то чтобы мне стало стыдно, просто разговор с помощницей директора не сулил ничего хорошего. Не хотелось выслушивать нравоучения и вопли, но сейчас их было не избежать.

— Ты что себе позволяешь! — завопила Елена Владленовна, словно пароходная сирена, едва за моей спиной закрылась дверь кабинета. — С ума сошла? Мало того что вырядилась так, словно собралась в клуб, а не на занятия, так еще и устроила целое представление в коридоре. О чем ты вообще думаешь?

— Ни о чем, — честно призналась я и плюхнулась в темно-коричневое кожаное кресло, предназначенное для гостей. Я знала, что лицеистам сидеть в нем негласно запрещалось, именно поэтому и выбрала его. Вид разгневанной Елены Владленовны забавлял, как и тот факт, что она ровным счетом ничего не может мне сделать.

Только злиться и орать. Сегодня перевес на моей стороне.

— Оно и видно, что думать ты перестала! — раздраженно бросила Елена Владленовна и, выдохнув, достаточно спокойно произнесла: — Алина, ты не должна вести себя подобным образом.

— Почему? — Я развлекала себя тем, что намазывала на палец блестящую, гладкую прядь светлых волос. После ритуала они стали выглядеть здоровее и гуще. Даже секущиеся кончики исчезли. Стала лучше кожа, а глаза, кажется, — чуть больше. Нагайны действительно красивее обычных девушек. Еще один плюс моего нынешнего положения. Зря я раньше расстраивалась и сопротивлялась. Быть нечеловеком чертовски привлекательно.

Елена Владленовна распиналась передо мной и заливалась на все лады, пытаясь объяснить, как тяжело жить на свете нагу, как важно хранить тайну и вести себя прилично... Как будто меня это интересовало!

Я рассматривала за окном солнышко, проглядывающее сквозь тучи. Изучала строгую обстановку кабинета и неуместные тонкие нити паутины в уголках окна. Я не любила паутину, она портила вид даже в самой убранной на первый взгляд комнате, поэтому заметила:

— Елена Владленовна, вы бы хоть окошечки помыли, что ли? А то скоро и сами паутиной зарастете.

— Ах ты маленькая обнаглевшая дрянь! — взвилась помощница директора, ее пожелтевшие от гнева глаза прорезал вертикальный зра-